

В стихах и прозе

✍ Игорь Гончаров

«Осматривая многие века...»

Справка «ММ»

Игорь Гончаров родился 22 июля 1971 года в Калининграде. В 1975-м с семьёй переехал в Магнитогорск. После окончания школы учился в Магнитогорском горно-металлургическом институте. Работал конструктором перспективных моделей на Волжском автомобильном заводе в Тольятти. В 2006 году вернулся в Магнитогорск.

В 2013-м снял художественно-документальный фильм «Вариации на тему пустоты, или Дело № 4917» о Борисе Ручьёве. Организатор фестиваля короткометражных фильмов «Видеостихия». Член Союза российских писателей. Автор шести книг стихов и прозы.

Из нашей гостиной, где,
подавая ужин,
Ты зацепила глазами
глаза заката,
Этот побег был никому
не нужен:
Было ветрено и угловато.
В каменном веке
не подстилали маты
Из-за капризов мужа.
Ты была там раздета по поясу.
В пещере нашей
Пахло соломой, и некто третий,
Помню, требовал что-то,
а я сквозь кашель
Ещё раздражённо тебе заметил,
Как ты улыбалась,
следя за этим,
Изогнувшись, помню,
в лучах тогдашних,
Что, минуя тебя,
уходили дальше,
Чем современные дети наши.

Что жизнь? Сгоревшая строка,
Признание в любви и первый
Шаг к пропасти,
где кистью старика
Нащупываешь посох эфемерный.
Но посох изогнётся нервом,
А женщиною – горная река.
Над нею путеводная – ярка –
Взойдёт звезда –
размеренно и верно,
Осматривая многие века,
Как маленький значок
размерный.
Подумаешь: такие берега
Не сокрушить
движением неверным.
Которое почти наверняка
Случится, – прошептал
Коперник.

А улочки сдаются постепенно.
У городов не выставишь охраны.
И вереницами военнопленных
Украшены проспекты и каналы –
Печальные домишки
в Амстердаме,
Немного музыкальней в Вене.
Но ты идёшь по улицам бесечно
С улыбкою того гусара,
Что в окнах ещё ищет женщин
И гордо шевелит усами.
Но город уже кем-то занят,
И поживиться нечем.
И только камень, бронза,
витражи,
И ни души за ними, ни души.

Смена фона. Хотя и белый тоже
Подчеркнёт не местность,
а взгляд поэта,
Который на вещи потому
и брошен,
Что минус десять,
и трудно поверить в это.

Холодно.
В комнате новый чайник
Куда мелодичнее древних амфор,
И хотя они созданы
для метафор,
В данном случае
ничего не значат.

По причине того же –
залазишь под,
Под покрывало
с фотоальбомом вместе,
Это согреет лучше,
чем целый год –
Словарями и выпусками
известий.

И, потому как день
переходит в сон
Так же, как пульс из галопы –
в редкий,
Думая, что думаешь обо всём –
Не думаешь ни о чём конкретно.

Накинет греческую тунику,
Свободнее на два размера,
И окружит. Вы не забудете,
Как пальцы Снежной королевы
Выдавливали вас из тюбика
Вечерним кремом
На подведённой постелями
Лицо, чья бездна голубая
Составит слово сокровенное
В виде иероглифов Китая
Перед хранящим изумление
Потомком Кая.

Вечерами, за колоннадами
их аллея
Даже скептик делается
несерьёзней,
Забывая признать: долей! –
После отсыпки пены. После
Жизни не остаётся дат.
Прочей сдачи. Аплодисменты
Вам прощумят на аллеях летних
Вслед за искренним: виноват,
Погорчился, знаете, не хотел, –
В виде ливня, что одержимо
Наполняет фужеры тел
Свежестью. Содержимым.

Март – почти перевёрнутая
страница
Толстой книги, кажется,
«О среде
Обитания особи»,
и хочется убедиться
В прочитанном – о себе.

Самое время,
чтоб выходить из комы,
Разменяв на джинсы тапочки
и халат.
То время, где тем результат
искомай,
Чем неизбежнее результат.

Так – после долгого карантина
Дышит река перед сходом льда,
Как набросок,
который не оплатили,
Сказав перед этим – да.

Что за год такой? Размочило.
Ни весны тебе, и июнь туда же.
А, казалось бы – годовщина,
Да какая, раз в Эрмитаже
Даже ночью ворота настезь.
Только здесь, в удалённой части
Нашего сказочного королевства,
Только и пахнет, что – Невским.
Да ты не злись, я не ищу резонов,
Тем паче свежестью и озоном
Позолоты и с нас не смывать.
Не попортить фасадов. Окраины
И живут-то, чтобы любить
До озноба – на расстоянии.

Танковые импровизации

(рассказ)

Где весы, на которых я мог бы
взвесить нежность твою? И откуда
дует сирокко – моя головная боль?
– Дорогой, ужин готов, – отозва-
лась Таня.

Я смотрел футбол. Оголённый
нерв болтался в пространстве, и
твои слова, Таня, причиняли мне
невыносимую боль. Наверняка
уже завтра «Локомотив» будет для
меня просто синонимом поезда,
но в данную секунду, за десять
минут до конца матча с «Реалом»,
эта махина вытаскивает из меня
всю мою страсть, обнажая её, Таня,
перед тобой. Бери и пользуйся. Но,
прошу, через десять минут. Нет, ты
только посмотри, на что способен
твой муж и как звучат струны его
души, если правильно сыграть на
них. «Локомотив» ведёт, Таня, и я
почти не сажусь на диван. Я молод и
горяч, почти как во времена нашего
знакомства. А ты говоришь – танк.
Бесчувственный и грубый танк вре-
мён ненавнявшейся войны. Ты гово-
ришь... – как только ты можешь так
говорить, Таня! – что мои гусеницы
давят твои незабудки, которых ты
едва касалась ладонями. Как тебе
не стыдно!.. Посмотри на меня. В
конце концов, ты можешь принести
ужин прямо сюда, в гостиную, по-
ставив на журнальный столик свои
изумительные горшочки с грибами,
и сесть рядом со мной. Ты посмотри,
как они играют – я давно не видел
ничего подобного.

– Дорого-ой!
– Дорогая, иду уже.
Ах, какая атака!.. Могли, могли
забить и ещё!..

Таня что-то напевала себе под
нос и была легка. «Ветер ли старое
им-м-мя развеял...» Дальше она не
помнила, рассеивая по голубова-
той кухне звук «м-м-м» сообразно
мотиву. Так, ещё укропчиком – чуть
не забыла. Она посыпала зеленью
запечённую с грибами и мясом
картошку, нарезанную ломтиками
и выглядывающую из горшочков.
Наклонила голову, оценивая своё
творенье, вспомнила, что Олег
любит с чёрным перцем, взяла с
полки хром и хорошо поперчила.
Вот так, дорогой, этот будет твой.
А этот – мой. В свой она положила
чайную ложку майонеза и разма-

зала его по картошке, зачерпнула
ещё, но вчера Олег сказал, что она
располнела. Подумала, вынула лож-
ку, на которой осталось, и с гордым
видом облизала её: не пачкать же
раковину.

Давненько я не делала горшочки,
Олег. Главное – не пересолить. Ин-
тересно, скажет ли он своё: «Таня,
ты с ума сошла. Это невыносимо!
Невыносимо вкусно, Таня!» Засра-
нец такой!

– Олег!
Резкий порыв ветра пронёсся по
залу. Так в тихий летний день, быва-
ет, рванёт листву в берёзовой роще
– и что это было? – думаешь...
– Танечка, умоляю, давай в зале
поужинаем.

Не отвлекая, Таня, не отвлекая
меня, тут самая кульминация.
Осталось всего ничего. Надо про-
держаться, давайте, ребята, ещё
немного – и мы в одной восьмой.

– В зале?..
Опять он за своё. Он что, пред-
лагает мне спокойно наблюдать за
тем, как он, плясая в ящик, будет
глотать содержимое моих гор-
шочков? Да ему перловку подсушь
сейчас, он разницы не заметит. Для
кого только стараешься?.. Хотя нет,
перловку заметит. Ну, гречку тогда.
Нет, не о том. Какой он чурбан всё-
таки! Одна восьмая!.. Одна восьмая
чего – вселенной? Ну, выиграют, ну,
пройдут, ну, а дальше-то что? Всё
заново: бей, беги, бей, беги – из года
в год. Я не пойму: ведь он умён, как
все мои бывшие, вместе взятые...

Так в чём, Олег, диалектика (как
ты мне заявляешь вечно) твоего
футбола? Ты никогда не сможешь
объяснить этого, Олег, потому
что ты чурбан, потому что ты не
видишь самого главного в своей
жизни. А главное – это любовь. Ты
делишь её на восемь частей и берёшь
только одну, да и ту даришь
чёрт знает откуда приехавшему
«Локомотиву»... Что-то раньше я
не слышала таких команд... Лет
через пять, Олег, от неё не останется
даже воспоминаний, но я состарюсь
благодаря твоему идиотизму, и тебе
придётся ежедневно смотреть на
всё это. Давай, Олег, продолжай в
том же духе. Пусть стыннут мои гор-
шочки. Но я никогда – ты слышишь?
– никогда не принесу их тебе в зал:
я не могу видеть, как ты топчешь
мои незабудки. Наверняка ты даже
забудешь сказать: «Ты сошла с ума.
Это невыносимо!..» Это невыноси-
мо, Олег. Ты танк – железный, пуле-
непробиваемый, самый... – у меня
больше нет слов – самый в мире
танк. Вспомнила: твердолобый.

Ветерок скрутился, вытянулся
воронкой, не находя себе места
среди бездонного поля голубых
незабудок. Тайфунчик бередил
центр луга – цветы волновались.
Это всегда предшествовало рёву
мотора и лязгу гусениц.

Таня сделала ещё попытку вы-
удить Олега из зала, потом ещё
одну.

– Да, дорогая! Да!
Обезумев, Олег влетел на кухню,
обнимая и желая покрыть поцелуя-
ми супругу.

– Сделали! Мы их сделали, Таня!
Впервые в истории! Ты не пред-
ставляешь, как они играли! Фан-
тастика!

Олег кричал так громко, что лицо
Тани исказилось до неприличия.

– Ешь, – она двинула по пластику
стола горшочек (второго не было).
Тот проехал немного и встал как
вкопанный. Это заставило Олега
замолчать.

– Я к Ольге, – бросила Таня и на-
чала одеваться.

Где-то далеко, как эхо, послышал-
ся гул холостых оборотов.

– Что это значит, Таня?
– Это значит, ешь. Ты, кажется,
заказывал горшочки.

– Один я мог поесть что-нибудь и
попроще или не есть вообще.

Висел ровный низкочастотный
гул.

– Тогда зачем ты заказывал мне
горшочки?

Цветы колыхались в каком-то
бессмысленном смятении, словно
не понимая, зачем им это.

– Я заказал, дорогая, это блюдо,
чтобы посидеть вместе с тобой и
вспомнить, как три года назад под
него же я сделал тебе предложение.
Сегодня, если хочешь, годовщина.

– Да что вы говорите? Годов-
щина... Годовщина чего – одной
восьмой, Олег? Ты сделал мне пред-
ложение, чтобы раз за разом пока-
зывать: «Я не люблю тебя, Таня, так
как люблю футбол, но мне нравятся
твои горшочки».

– Ты в своём уме, дорогая? Это
лишь мимолётная страсть. Я уже
забыл про это чёртов футбол. Зачем
портить вечер?

– Затем, что он уже испорчен. Я
иду к Ольге. Не знаю, может, оста-
нись у неё ночевать. Ты ничего не
видишь, Олег, ничего. Ты прёшь,
как танк. Он, видите ли, уже забыл
про футбол. Теперь можно заняться
Таней. Спасибо вам, с поклоном.

– Если ты сейчас уйдёшь, ты бу-
дешь полная дура.

Гул нарастал, и всем всё стало
ясно.

– Я дура, потому что женщина.
Но почему ты настолько глуп, что
не можешь понять элементарных
вещей?

– Элементарных?!

Танк вылетел из летнего дня, как
из ниоткуда.

– Элементарно, Таня, это взять
эти чёртовы горшки и поставить
их на журнальный столик, сесть
рядом со мной и подождать всего
десять минут. Ты могла бы налить
пару фужеров вина, если тебе так
скудно смотреть на феноменальную
игру, в которой ты никогда ничего
не поймёшь, потому что в твоей
башке одни кастрюли, горшочки и
трёхлитровые банки для засолки
огурцов.

Это был тяжёлый армейский танк
с полным комплектом вооружения.
Он начал утюжить луг, вырывая с
корнем тонкие полевые цветы, сме-
шивая их с чернозёмом и глиной.

– В конце концов, если бы они
и остыли, эти твои горшки, это не
причина, чтобы пустить коту под
хвост целый вечер и три года со-
вместной жизни. Я, возможно, не
летаю в облаках и не бегаю среди
полевых цветов, но я дорожу тем,
что у нас есть, и тем, что у нас было,
и не бегу ночевать к друзьям из-за
какой-то там идиотской блажи.

– Ты... ты...

Ей захотелось швырнуть в него
чем-нибудь. Не хватало нужных
слов, чтобы передать степень её от-
чаянья. Словно что-то надорвалось
в цветах – как будто их лишили
корней, и они...

– Блажи?! – завопила она. – Эта
блажь, дорогой, называется любо-
вью, чтоб ты знал! Ты... Да пошёл
ты к чёрту!

Она хлопнула дверью.
– Какой... какой!.. – сбегала она
по лестнице, на ходу поправляя
босоножки.

– Дура... Какая же ты дура! – раз-
далось вслед, и он со всего размаха
въехал огромной тяжёлой ладонью
по керамическому горшку так,
что тот врезался, как снаряд, во
входную дверь и разлетелся по
прихожей сотней осколков, разбив
зеркальную полочку и много ещё
чего. Всё уже было не важно.

Танк носился по безжизненному
полю, как сумасшедший, разгоня-
ясь и резко тормозя, вращаясь от
абсурда, от неверия в реальность
происходящего, он метался по
бывшему незабудковому полю,
размалывая гусеницами всякие
следы жизни, пока земля под ними
не стала пылью. Над которой вре-
менами стелится уже сирокко – моя
головная боль.